

Эрик Азан

ПОД НОВЫМ РУКОВОДСТВОМ ПЕРВЫЕ СТО ДНЕЙ САРКОЗИ

Воскресенье, 6 мая. Оглашены результаты выборов¹. Надвигается ночь. Я пересекаю площадь Республики на велосипеде. Большие бульвары пусты. Никого не видно и на рю д'Энгиен, где находится избирательный штаб Саркози; улица перегорожена металлическими барьерами и жидкой цепочкой полицейских. Только перед «Ле-Мори 7» — кафе на Фобур Сен-Дени, на углу пассажа Бради, — местные курды, собравшись на тротуаре, обсуждают турецкий футбольный чемпионат. По бульвару Бон-Нуviel до самой рю д'Отвиль выстроились в ряд полицейские фургоны.

Вымер и бульвар Осман, где мне попались лишь двое бездомных, спящих перед часовней Искупления, но на Сен-Огастен я неожиданно натываюсь на толпу. Сторонники Саркози покидают концертный зал Гаво и направляются в сторону площади Согласия: сотни школьников и студентов в синих футболках с воздушными шарами, флагами, синими и зелеными транспарантами. Гудят машины, люди на тротуарах аплодируют. У всех в руках уже специальный выпуск «Л'Экспресс» (заголовок: «Президент») — редакция напечатала про запас другую обложку или была настолько уверена в результате? Молодежь из богатых кварталов, празднуя триумф партии порядка и власти, растекается по бульвару Мальзерб.

Площадь Согласия: рабочие спешно устанавливают освещение и звуковую аппаратуру для большого концерта. На дальнем берегу Сены тонкая цепочка стражей порядка охраняет дворец Бурбон; разрозненные полицейские преграждают вход на бульвар Сен-Жермен. У штаба Социалистической партии на рю де Сольферино юноши и девушки из «Движения молодых социалистов» — такие же светлолицые, чистые и добропорядочные, как и их противники с другого берега — стараются сделать хорошую мину. Через несколько недель все эти пышущие здоровьем молодые люди станут вместе следить за теннисистами на чемпионате «Ролан-Гаррос».

¹ В мае 2007 г. на президентских выборах во Франции Никола Саркози, получив 19 млн голосов, одержал победу над Сеголен Руаяль с 16,8 млн голосов при явке избирателей в 84 процента.

В Латинском квартале — ни одной кошки, никаких полицейских фургонов: признак упадка, поразившего этот район, где зародилось столько бунтарских движений. На углу совершенно пустынного бульвара Генриха IV полиция не пропускает автомобили на площадь Бастилии. Там на цоколе колонны примостились какие-то девушки с бенгальскими огнями: те, испуская тучи дыма, заливают площадь приятным красным сиянием. Толпа на площади — смешение всевозможных костюмов, цветов кожи, причесок, стикеров и флагов. Она охвачена гневом, радостным и заразительным. Светловолосая туристка пытается разобрать надпись на колонне и спотыкается на «qui combattirent». Кто-то переводит ей: «Кто сражался, сражался».

Сама собой образуется процессия, направившаяся было в сторону Бельвиль, но все пути с площади перекрыты бойцами сэ-эр-эс² в шлемах, вооруженных щитами, дубинками и слезоточивым газом. У входа на бульвар Ришар-Ренуар вырваны первые дорожные знаки, брошены первые булыжники, разорвались первые газовые гранаты. Противостояние набирает обороты, и я ретируюсь по боковой улице, рю Жан-Босир, ибо нет ничего более идиотского, чем оказаться вместе с велосипедом под ногами у сээрэсовцев, когда те ринутся очищать площадь.

В тот вечер еще давало о себе знать разделение Парижа на восток и запад, которое определяло все баталии в этом городе начиная с июньских дней 1848 года.

7 МАЯ

Что-то странное есть в лозунге Саркози: «Когда мы вместе, все становится возможным». К чему это неблагозвучное «становится», почему не просто «возможно все»? Несомненно, какой-нибудь перебежчик из левого стана, кто-то вроде Жака Аттали или Макса Галло, указал приверженцам УМП³, что эта формулировка уже занята: так называлась статья Марсо Пивера, опубликованная 27 мая 1936 г. в «Ле Популэр», а последними словами в ней были: «Возможно все, и очень скоро. Момент, который мы переживаем, едва ли в ближайшее время повторится на часах истории. Итак, поскольку возможно все, то вперед, товарищи!» Одно дело — цитировать Жореса или Блюма и совсем другое — брать на вооружение слова левого революционера⁴.

В том собрании выдающихся людей, которых Саркози цитирует во всех своих выступлениях, едва ли найдется кто-то из правых; не встретится там и ни одной женщины, кроме Жанны д'Арк. Прикладывая старания к тому, чтобы спеть хвалу славным сыновьям всех регионов (в Бургундии это были Ламартин и Св. Бернар Клервосский, в Провансе — Мирабо), в Меце Саркози вспомнил о Барресе, который вел в Лотарингии кампанию под лозун-

2 Отряды республиканской безопасности (CRS). — *Прим. перев.*

3 Союз за народное движение (UMP) — партия Н. Саркози. — *Прим. перев.*

4 Марсо Пивер (1895–1958) — лидер французской секции Рабочего Интернационала (SFIO); в 1936 г. обрушился с яростными нападками на Блюма за его уступки. «Юманите» ответила ему передовицей: «Нет! Возможно не все!»

гом «Против иностранцев». Баррес был упомянут лишь вкратце, поскольку друзья Саркози из КРИФ⁵ вряд ли бы оценили комплименты в адрес вождя антидрейфусаров. Гизо, Тьер, Мак-Магон, Тардьё и Лаваль не были упомянуты вообще — по очевидной причине. Само слово «правые» лишь недавно появилось в словаре этих политиков. После Освобождения вожди правых либо оказались в тюрьме, либо бежали за границу, а некоторых вовсе расстреляли. Хорошо помню, что при Четвертой республике нашлись лишь одна партия и один лидер, которые недвусмысленно называли себя правыми. После возвращения де Голля его сторонники отбивались именно от этого обвинения, невзирая на все доказательства их причастности к правому стану; тогда нашлась даже жалкая крохотная группа левых голлистов. Лишь в конце 1970-х гг., когда на сцену вышло поколение Эдуара Балладюра и Раймона Барра, слово «правые» снова стало можно произносить без смущения, и о «ценностях правого крыла» заговорили в открытую.

Высокая явка избирателей объявлена победой представительной демократии. По словам Франсуа Фийона, который по общему мнению станет новым премьер-министром, это «ворота, через которые мы можем убежать от кризиса доверия, уже давно терзающего нашу страну». Согласно Франсуа Баруэну, министру внутренних дел, «такая впечатляющая мобилизация доказывает силу нашей демократии и разделяемых нами республиканских ценностей» («Le Monde», 8 мая). И все старательно не замечают, что такая явка была обязана исключительному сочетанию двух страхов: с одной стороны, страху перед Саркози, который слишком явно готов «наказать бедных», и с другой стороны, страху перед бедными со стороны всех тех, кто боится потерять то, что у них есть — пенсионеров, владельцев магазинов, мелких чиновников, фермеров, и кто, подобно пресловутому Простофиле, готовы нырнуть, вместо того чтобы ждать неизвестно чего.

8 МАЯ

С воскресного вечера все только и говорят, что о «сопротивлении», но мне сомнительно, что слово выбрано верно. Для французов Сопротивление всегда начинается с большой «С» — это одно из великих слов, позаимствованных из Истории и применяемых к текущей ситуации в языке активистов, избавляющем от потребности в рефлексии. То же справедливо и в отношении «фашизма», но Саркози и его окружение вовсе не фашисты, и своим правлением они будут больше походить на Берлускони, чем на какой-нибудь неодориотизм⁶. Президент всех французов в ночь своего избрания обедал у Фуке, а на следующий день улетел на личном самолете «освежиться» на яхте, которую ему одолжил Венсан Боллоре: по этому можно судить, откуда он берет свой стиль.

⁵ Представительный совет еврейских организаций Франции (CRIF).

⁶ Жак Дорио (1898–1945) в 1936 г. основал фашистскую Народную французскую партию.

На собрание «Образования без границ» тем вечером явилось не больше людей, чем обычно. В нижней части рю де Бельвиль скопилось две-три сотни человек: здесь смешались представители многих народов, проживающих в этом квартале и даже несколько китайцев — это что-то новое. На этих встречах, проходящих в первый вторник каждого месяца, люди обсуждают последние рейды против бездомных и дискутируют о методах противодействия новым рейдам, не произнося речей и не слишком повышая голос. Между детскими колясками раздают листовки. Можно подумать, что здесь происходит что-то сентиментально-гуманитарное, а не политическая акция, но вполне возможно, что для местных жителей такие собрания — хорошая возможность обучиться неповиновению.

9 МАЯ

Сильвио Берлускони заявляет («Либерасьон»): «Я послужил политическим образцом для Николя Саркози». Во время пребывания в должности Берлускони утверждал, что «многие итальянцы рады видеть в премьер-министре человека, способного пользоваться собственными самолетами и машинами и принимать гостей государства в принадлежащих ему дворцах».

В «обновлении» и модернизации Социалистической партии чудится какая-то лихорадочная спешность. Все знают, как чинить рухнувший амбар или переходить на новый стиральный порошок, но как то же самое делать в отношении партии, не слишком ясно. В передовице «Либерасьон» (8 мая) Лоран Жоффрен демонстрирует, как далеко может зайти подобная чушь: «Поменять все! Программа соблазнительная, но неясная... Следует ли нам двигаться вправо или влево? Такая альтернатива слишком проста. Нам требуется глубокое переосмысление всех ценностей и программ». Мишель Ноблекур, обозреватель из «Ле Монд», полагает (9 мая), что вдохновением должен служить пример Жоспена, который «на трех важнейших съездах предпринял ревизию идеологического софтвера» (образ софтвера, или программного обеспечения, с недавних пор заполонил политическую журналистику). По мнению Анри Вебера, депутата Европарламента и национального секретаря Социалистической партии, «партия должна усовершенствовать и систематизировать использование Интернета как средства коммуникации, партийного обучения, политических и идеологических акций» (напечатано в том же номере).

Первая и весьма серьезная проблема состоит в том, как расстаться с прошлым, с прежней «политической культурой», которая требует обновления. После 1981 г. (будем милосердны, не станем возвращаться к временам Рабочего Интернационала) мы получили режим экономии в 1983 г., несколько приватизаций, дерегулирование финансовых рынков, Маастрихтский договор, закон об общественной безопасности, фондовые опционы: всем этим «основам» (если пользоваться модным выражением) мы обязаны социалистам, по-прежнему так озабоченным модернизацией. Отсюда вытекает и второе затруднение: как заслужить доверие, делая вид, что ты не тот, кем являешь-

ся на самом деле? Когда Доминик Стросс-Кан объявляет, что готов вести партию к социал-демократии, или когда Анри Вебер пишет, что социалисты должны стать «современной реформаторской партией» — они что, пытаются внушить нам, что Социалистическая партия — это партия революционеров-марксистов? Как они могут делать вид, что хотят превратиться в реформаторскую партию, когда она всегда была реформаторской еще с Турского конгресса 1920 года?

Либерализм. Демократия. Мнимый триумф «демократии» после гибели казарменного коммунизма сопровождался постепенным размыванием смысла этого слова, которым стали без разбора обозначать и крах мышления, и запрограммированное потребление культурного товара и натуральных продуктов: демократизация философии через философские кафе и журнал «Философия», демократизация копченого лосося через презентации в «Каррефу». А когда люди неожиданно выражают свою волю с той лихорадочностью и эксцессами, которыми всегда сопровождаются подобные вспышки, самые убежденные демократы бросаются на подавление этих катастрофических демократических извержений. Именно эта «ненависть к демократии», как выразился Жак Рансьер⁷, объясняет иступленную вспышку Саркози 20 апреля в Берси, где он объявил о своей решимости «искоренить дух мая 68-го года».

Слово «либеральный» вследствие своей фундаментальной двусмысленности с самого момента своего возникновения служило идеальным элементом камуфляжа. Первые французские либералы в период Реставрации 1820-х гг. уже сформировали оппозиционную группу в Палате депутатов, куда входили как финансисты (банкир Лафитт был лишь самым известным из них), так и теоретики парламентского строя, уважительно относившиеся к свободам, такие как Бенжамен Констан и герои «Ле Глоб», либеральной газеты, которая впоследствии стала органом сен-симонистов. Великий водораздел в либерализме, пролежавший между фондовой биржей и «Коллеж де Франс», существовал почти два столетия, оказавшись крайне полезным для легитимизации капитализма. Символические союзы в рамках этого двойного либерального языка включали философа Алена и связку Тардьё-Лаваль перед Второй мировой войной, Раймона Арона и Антуана Пине в 1950-х гг., а в более недавние времена Франсуа Фуре и Бернара Тапи или Пьера Розанваллона и Венсана Боллоре с его яхтой.

10 МАЯ

Бедный Ален Финкелькро! Опять он ничего не понял. По его словам («Ле Монд»), «невозможно ссылаться на Мишле, Пеги или Мальро и в то же время подражать в безвкусице какому-нибудь снобу или знаменитости из шоу-бизнеса. Нельзя одновременно петь оды беспристрастному государству и в то же время начинать президентский срок с получения щедрых подачек от финансового магната». Можно, можно. Те, кто считает прогулку на Мальту полити-

⁷ Jacques Rancière, *Hatred of Democracy*, London and New York, 2007.

ческой ошибкой, упускают из виду, что это была сознательная, целенаправленная демонстрация нового «управленческого» стиля — как любят выражаться, «без всяких табу и комплексов».

11 МАЯ

Встреча в Мюлузе на тему «Сорок лет оккупации Палестины». Организационный комитет очень пестрый: мужчины и женщины всех поколений, мусульмане, близкие к Тарику Рамадану, евреи из всевозможных течений, а также «невинные французы», как любил выражаться Раймон Барр. Всего набралось человек сорок — неплохо для города, где более 60 процентов голосовало за Саркози — довольные встречей, но деморализованные. В самом деле: бесконечно оплакивать несчастья Палестины, не имея иной перспективы, нежели добиваться создания палестинского государства, хотя все понимают, что это не может не закончиться катастрофой — этого достаточно для того, чтобы все чувствовали себя обескураженными. Идея единого государства (выражение, на мой взгляд, более предпочтительное, чем «бинациональное государство», потому что наций там уже более чем достаточно), как всегда, спровоцировала неподдельную дискуссию (именно дискуссию, а не формальные дебаты; выступления прерываются вопросами с другого конца зала, смех, никто не пытается одержать верх).

Однако прототип этого единого государства уже существует, пусть в миниатюре и не там, где нужно: это бульвар Бельвиль между станциями метро Бельвиль и Куронн. От рю де Бельвиль до рю Биссон тянется земля тунисских евреев: жалкие кафе, где старики весь день напролет играют в карты и переругиваются по-арабски, огромная синагога Мишкенот Яков, украшенная — если можно так сказать — стеной из фальшивой брусчатки, рестораны, получившие сертификат от раввинского суда Бет-дин, где подается рыба по-тунисски, и постеры, рекламирующие отдых в Нетанье или Эйлате практически даром. На другой стороне рю Биссон, которая выполняет роль «зеленой линии», вы попадаете в Алжир. Еврейские вывески над магазинами сменяются арабскими, женщин в кафе здесь не видно, пожилые рабочие о чем-то бесконечно переговариваются, греясь на солнце, в газетном киоске у метро Куронн сидит продавщица в хиджабе, а на тротуаре написаны объявления о подержанных утюгах и валяются пачки просроченных батареек.

Но если рю Биссон служит границей, то это не граница на замке. Оба народа постоянно перемешиваются — не в кафе, которые по большей части работают «только для своих», а в магазинах, на тротуарах, на большом рынке, который по вторникам и пятницам занимает середину бульвара. Кое-кто утверждает, что в этом квартале становится напряженно, когда «там», в Израиле-Палестине, происходят «события». Я ни разу не видел ничего подобного, даже во время вторжения Израиля в Ливан летом 2006 года. Тут единое государство, его обитатели живут рядом друг с другом, не сливаясь, но не выпуская друг друга из вида, не обязательно во взаимной любви,

но с чувством принадлежности к одному человечеству. Столица этого государства — большой перекресток у метро Бельвиль: интернациональная столица, где полным-полно китайцев, африканцев, французов и многих других, протянувшаяся от «Ла-Вьёйёз» — кафе, сохранившем свое название еще с тех пор, когда Валле стрелял по версальцам из окон второго этажа, — до «Ле Президан», крупнейшего китайского ресторана в Париже.

13 МАЯ

Сегодня — годовщина первого дня переворота 1958 года, который вернул Шарля де Голля к власти. Сегодня никто не вспоминает эти события; это первородный грех, чьи последствия еще отдаются эхом, миф о посланце providения, который порвет со старым и начнет все заново. Забытый заговор, замышлявшийся весной 1958 года в окружении генерала — куда входили Жак Фоккар, Оливье Гишар, Жак Сустей, Мишель Дебре, — с целью надавить на бедного Рене Коти, президента республики, и заставить его послать за де Голлем. Французские генералы в Алжире отправили Коти послание через назначенного им в премьер-министры Пьера Пфлемлена: уйди в отставку, освободи место для де Голля — единственного в их глазах гаранта французского Алжира. 13 мая, в день, когда в Национальном собрании должно было состояться голосование по кандидатуре Пфлемлена, на дворец Бурбон готовились напасть ударные бригады, во главе которых стояли вожди ультраправых: Мэтр Бьяджи, Ален Гриоттере, Ив Гиньяк — глава «Ветеранов Индокитая», братья Сидо, движение «Молодая нация». В Алжире толпа штурмом взяла дворец генерал-губернатора. В Париже, пока Национальное собрание обсуждало кандидатуру премьера, генерал Массю отправил Коти телеграмму: «Сообщаю созданию Алжире гражданского и военного Комитета общественной безопасности во главе со мной генералом Массю...» В ту же ночь генерал Салан, алжирский главнокомандующий, также послал телеграмму, в которой подчеркивалась «срочная потребность в национальном арбитраже». 15 мая, выступая с балкона Алжирского форума, Салан закончил свою речь словами «Да здравствует де Голль!» В тот же вечер по радио передали знаменитое заявление: «Объявляю себя готовым взять всю полноту власти в Республике...» В Париже продолжались беспорядки. Через несколько дней, во время которых политики в полной мере продемонстрировали свою трусость, Национальное собрание 1 июня проголосовало за де Голля, причем свои голоса за генерала подала почти половина социалистов.

Эта темная авантюра, которая вполне могла завершиться тем, что ее авторы оказались бы в тюрьме, а взбунтовавшиеся генералы — у стенки, была вымарана из истории. Она бросает более чем серьезную тень на личность де Голля, о котором непозволительно говорить ничего, кроме хорошего. Несомненно, некоторое утешение можно найти в том, что к этому попустительству причастны политики и журналисты всех направлений. Более того, нежелание вспоминать о перевороте вполне соответствует облаку забвения,

которое странным образом покрывает все 1960-е годы — начиная от государственной телерадиовещательной сети ОРТФ с ее напрочь позабытой жалкой покорностью и заканчивая разрушением рабочего Парижа по приказу Жоржа Помпиду.

15 МАЯ

Саркози в интересах «общественного диалога» принял лидеров главных профсоюзных конфедераций. Коммунистическая организация «Ля Рипост» распространила по Интернету следующий текст:

«По словам Бернара Тибо, генерального секретаря ВКТ⁸, «профсоюзы — естественные посредники для тех, кто добивается диалога и переговоров. Я ожидаю от Николя Саркози разъяснений по поводу того, каким образом он намерен как минимум организовать дискуссию, а в лучшем случае — провести переговоры по ряду вопросов». Зачем ВКТ пытается обмануть нас своей мнимой наивностью — а с прочими конфедерациями дело обстоит точно так же, если не хуже, — утверждая, что поступки правительств будут оцениваться в «порядке очередности»? Разве мы уже не знаем, к чему стремится Саркози? Вместо того чтобы давать врагу советы по поводу наших уязвимых мест, ответственные руководители профсоюзов, достойные своего имени, должны четко разъяснить всем рабочим, что их ожидает, мобилизовать их и подготовить к обороне, переведя все профсоюзное движение на военное положение. Тем, кто еще не понял этого, следует найти себе иное занятие, не связанное с руководством профсоюзами».

17 МАЯ

«Несмотря на авансы, сделанные Сеголен Руаяль центристам, и несмотря на открытость Николя Саркози по отношению к левым, первый секретарь Социалистической партии продолжает углублять раскол между правыми и левыми» («Ле Фигаро», 16 мая). Во время этой кампании о «расколе» говорили часто — и сетуя на его существование, и сожалея, что он не проявился еще четче, и радуясь, что ему наконец-то положен конец. Мнения расходятся даже по поводу происхождения этого слова⁹: некоторые возводят его к греческому «klinein», «уклоняться», другие — к фламандскому «klieven», техническому термину антверпенских гранильщиков алмазов в XVII веке. Производные значения часто относятся к живому организму: хирурги говорят о направлении расщепления в органе (например, между двумя долями легкого), психоаналитики — о расщеплении эго, эмбриологи — о расщеплении бластодермы. Во всех случаях речь идет только о разделении *в пределах единой структуры*. Если же говорить о двух четко различающихся и проти-

8 Всеобщая конфедерация труда (CGT). — Прим. перев.

9 В английском тексте — "cleavage" (раскол, расщепление). — Прим. перев.

востоящих друг другу людских группировках, то между ними может наблюдаться более или менее жестокая конфронтация, но только не раскол. Соответственно, в нынешнем контексте это слово звучит скорее как невольное допущение, признание того, что те, кто претендуют на право выступать от имени других, те, кто приглядывают за распределением богатства и должностей, те, кто дебатировать на телеэкране, но дружески общаются в коридорах, образуют однородную группу. Во время Французской революции, когда слова «правый» и «левый» впервые стали политическими терминами, между обеими сторонами пролегал вовсе не раскол — если только не называть так отделение головы от тела с помощью гильотины.

Министром иностранных дел почти наверняка станет Бернар Кушнер. Самым примечательным в этом стала не сама новость, а вызванное ею у некоторых людей удивление и даже негодование. Их реакция алогична. Кушнер — один из изобретателей гуманитарных интервенций, этого современного варианта старомодной благотворительности: вы точно так же очищаете свою совесть и извлекаете удовлетворение из несчастий других людей — но не из любых несчастий. Для графини де Сегюр хорошими бедными были те, кто тянул руки на паперти и не пропивал милостыню; хорошими жертвами голода и бомбардировок сегодня стали те, кто не принадлежит ни к фундаменталистам, ни к террористам, и поэтому являются законными кандидатами для демократического аскетизма. Вместе с Кушнером к изобретению гуманитарных интервенций в начале 1990-х гг. приложил руку покойный досточтимый Жан-Франсуа Ревель, среди произведений которого значится и «Наваждение антиамериканизма». Благодаря двум этим людям права человека гораздо чаще стали защищаться с помощью точечных авиаударов и кластерных бомбардировок.

Журнал «Тайм» в 2004 г. включил Кушнера в список «100 самых влиятельных людей мира» за то, что тот «поддержал интервенцию США в Ираке во имя прав человека». В 2002 г. по просьбе «Total» он согласился составить доклад о том, виновна ли эта компания в использовании принудительного бесплатного труда крестьян на прокладке газопровода в Мьянме при содействии армии этой страны. Хотя Кушнер снял с компании это обвинение, она во избежание международного скандала решила выплатить по 10 тысяч евро каждому из нескольких сотен людей, силой согнанных на строительство. Кушнеру уже 67 лет; ему самое время получить должность, престижную в международном масштабе. Кушнера свел с Саркози услужливый Бернар Тапи, бывший министр и бывший заключенный. Нет ничего странного в том, что Кушнер попал в состав внутреннего круга французской медиаполитической олигархии, которой его фигура, несомненно, добавит живописности. «Если он не хранит верность своим друзьям, как он сохранит верность своим идеям?» — вопрошает нынешний глава «Врачей мира». По-моему, вопрос бессмысленный.

22 МАЯ

Неожиданно я получил объяснение чувству дежа-вю, которое охватило меня при оглашении итогов выборов: приход Саркози к власти стал полным подобием победы Жискара. Я сверился с номерами «Л'Экспресс» и «Ле Монд» за май-июнь 1974 г. Лишь 12 процентов электората воздержалось от голосования, а Жискар задал тон в своей первой победной декларации: «Вы не будете разочарованы: перемены — вот чем я займусь для вас и вместе с вами. Сегодняшний день знаменует начало новой эры во французской политике, эры обновления и изменений». На следующий день «Л'Экспресс» вышла под заголовком: «Жискар: 100 дней на то, чтобы все изменить».

Вышеназванным переменам предстояло проявиться и в президентском стиле: Жискар хотел сделать церемонию передачи власти «менее напыщенной». Он прибыл в Елисейский дворец пешком, а затем в качестве главы государства «принял регалии большого креста Почетного легиона в деловом, а не в формальном костюме. Гости были одеты таким же образом. Г-н Андре Шансон вручил Президенту Республики орденскую цепь, но не стал надевать ее ему на шею, а просто положил в коробку». В отчете «Ле Монд» отмечалось, что «у каждой Пятой республики должен быть свой стиль. Символом стиля у Жискара станет пуловер». Новый стиль «проявился также к полудню [1 июня], когда г-н Жискар д'Эстен, находясь за рычагами вертолета, приземлился в Сен-Прёве (Эн), где г-н Понятовский, владеющий там поместьем, праздновал свадьбу своего сына Бруно — который приходится крестником президенту — с м-ль Алис де Монталь, дочерью подполковника 2-й танковой дивизии».

Жискара с Саркози роднит и давнее стремление к президентской должности, отмечаемое газетчиками. «Л'Экспресс» писала: «Валери Жискар д'Эстен еще в 1962 г. вместе со своим другом Мишелем Понятовским разработал ту стратегию, которая привела его в Елисейский дворец». И далее: «Никто из его близких сторонников никогда не сомневался, что он одолеет эту головокругительную траекторию». Едва оказавшись у кормила, Жискар и его «непосредственное окружение» (если использовать более позднее выражение) не замедлили продемонстрировать, что бразды правления прочно находятся у президента: «Во главе перемен буду стоять я». «Ле Монд» представляла новое правительство под заголовком: «Парламентское президентство»:

«Монархия» уступает место *ведеттариату* [«звездократия»]. Политическая жизнь оказалась в полной зависимости от инициатив избранного президента... Налицо новый подход к управлению страной — несомненно, более соответствующий ожиданиям индустриального, современного, молодого и развитого общества. Мы видим новый тип президентства, в смысле «персональной» и «индивидуализированной» президентской власти».

И в «Л'Экспресс»: «Теперь все ясно. Г-н Жискар д'Эстен займется всем. А г-н Ширак станет не премьером, а лишь первым из его министров».

Из других совпадений можно отметить, что перемены 1974 года также включали в себя оглядку на левых. В свое время Жискар уже заявил: «Надеюсь,

что люди из некоммунистических левых кругов пойдут за мной». Входявший в его новую команду Жан-Жак Серван-Шрейбер получил должность министра реформ. Франсуаза Жиру, поддерживавшая Миттерана, была назначена государственным секретарем по женским вопросам. Молодой президент, выделявшийся с самого начала своей президентской карьеры и намеренный лично добиваться скорейших перемен; спортивный человек, привнесший в исполнение роли президента неформальный стиль; он упростил состав кабинета, оставив в нем лишь пятнадцать министров, и окружил себя маленькой, крепкой командой, без колебаний переманивая к себе новых союзников из числа левых... Тот случай, к которому, увы, не применимы слова Гегеля, перевернутые Марксом: здесь самый первый раунд уже был фарсом.

25 МАЯ

Назначение Рашиды Дати: то, что министром юстиции и хранителем печати — а это по традиции человек номер 2 в правительстве — стала такая молодая кандидатка, не имеющая «политического» опыта, ясно показывает, что данная традиция мертва. Когда-то идея состояла в том, чтобы министр юстиции и министр внутренних дел выступали бы как противовесы друг другу. С одной стороны, моральный авторитет, гарантирующий пресловутое «государство законности», с другой — орудие против преступности. Эта фикция, все в большей степени проявлявшая свою несостоятельность во время второго срока Миттерана, окончательно рухнула в 2002 г., когда в правительстве Раффарена министром юстиции стал Доминик Пербен. Закон, проташенный Пербеном и Саркози, фактически покончил с разделением властей, превратив чиновников государственной прокуратуры в помощников полиции, объявив любую «предшествовавшую договоренность по совершению правонарушения» актом организованной преступности, расширив понятие «организованной банды», под которое отныне подпадает коллективная помощь нелегальным эмигрантам и т. д.

Дати — протеже Альбена Шаландона, министра юстиции с 1986 по 1988 гг. в правительстве Ширака. По его мнению, «чем сильнее становится Национальный фронт, тем менее он опасен»; «поскольку [его вожди] добиваются постов в правительстве, они вынуждены оставаться республиканцами» («Ле Фигаро», 20 апреля 1998). Шаландон говорит, что Дати «отодвинула его»: «Она ничего не боится, у нее нет комплексов, ее ничто не остановит. Ее можно сравнить только с новым президентом республики» («Ле Монд», 23 мая). Саркози с тем же успехом мог бы учредить суперминистерство контроля и репрессий, объединив министерства юстиции и внутренних дел и доверив своему двойнику в женском облике не только весы правосудия, но также водометы и досье на нелегальных иммигрантов. Возможно, рано или поздно такая возможность станет явью.

При том мадам Дати благодаря своему имени и скромному облику в состоянии проташить драконовские законы о снижении порога ответственности за уголовные преступления до шестнадцатилетнего возраста и установлении

статутных наказаний для рецидивистов. Саркози рассчитывает с ее помощью улучшить взаимоотношения с «молодежью из пригородов». Их родители, возможно, помнят, что во время алжирской войны самыми опасными врагами освободительных сил были не парашютисты из Иностранного легиона, а скорее алжирцы, рекрутированные во французскую армию — прежде чем та позорно бросила их, эвакуируясь из страны.

5 ИЮНЯ

В то время как крупнейшие профсоюзные конфедерации собираются судить о действиях правительства «в порядке очередности», неожиданный бунт вспыхивает в другом месте. Две ассоциации должностных лиц раскритиковали законы, выдвинутые Рашидой Дати, из-за которых уже переполненные тюрьмы будут набиты еще сильнее. Запланированное законодательство оказалось более жестким, чем объявил Саркози во время своей кампании: в то время он обещал принять меры против многократных нарушителей закона, но сейчас минимальное наказание будет назначено уже за первые случаи рецидивизма.

«Альгер», один из профсоюзов, представляющих пилотов «Эр Франс», официально обратился к управляющему директору с просьбой пересмотреть политику компании в области депортаций. «На самолетах „Эр Франс“ произошел ряд инцидентов, связанных с депортацией иностранных граждан с французской территории. Жестокие методы, применяемые полицией, чтобы вынудить этих конкретных пассажиров совершить полет против их воли, несовместимы с порядком и здоровыми условиями на борту».

6 ИЮНЯ

В интервью, опубликованном в сегодняшнем номере «Фигаро», Саркози одиннадцать раз сказал «Я хочу», но его энергичные предложения пересыпаны неожиданно большим числом отрицаний: «Я никому не позволю [искажать мой проект]», «Я не желаю [играть в фокусы]», «Я не закрыт», «Я не откажусь [от гендерного равноправия]», «Я никогда не использовал [слово „пауза“]», «Я не передумал [насчет Турции]». В этом проявляется весь его характер: высокомерие и мнительность, жестокость и беспокойство.

Вчера в суде города Меца женщина, которой судья по делам несовершеннолетних объявил, что она еще на год будет разлучена со своим трехлетним сыном, тут же выхватила из сумки мясницкий нож и воткнула его судье в живот. Согласно утренним газетам и радио, она «социально неадекватна», «бездомная и употребляет наркотики», и ей присуща «умственная и социальная неспособность заботиться о своих детях» («Либерасьон» — в других СМИ о ней говорится такими же словами). Откуда им это известно? Они хотя бы говорили с ней? Или просто цитируют полицейский отчет и заявления прокуроров?

В 1933 г., когда 18-летнюю Виолетту Нюзьер судили за убийство отца, приковавшего ее к incestу, группа сюрреалистов издала сборник во славу

этого отцеубийства. В сборник, обложку к которому нарисовал Мэн Рей, вошло восемь стихотворений (авторы — Андре Бретон, Рене Шар, Поль Элюар, Морис Анри, Э.Л.Т. Мезан, Сезар Моро, Бенжамен Пере и Ги Розей) и восемь иллюстраций (Сальвадор Дали, Ив Танги, Макс Эрнст, Виктор Бронер, Рене Магритт, Марсель Жан, Ганс Арп и Альберто Джакометти). Стихотворение Пере завершалось такими словами:

И все те, кто пишет в газеты мочой вместо чернил,
 черные нюхачи трупов,
 профессиональные убийцы с белыми дубинками,
 все отцы, одетые в красное, чтобы обвинять,
 или в черное — якобы для того, чтобы защищать,
 все, набросившиеся на нее — первый цветущий каштан,
 первый знак весны, которая сметет прочь
 их мутную зиму.

Какая группа, какие поэты, какие люди возьмут на себя защиту Фатии, обвиненной в «преднамеренной попытке убийства должностного лица в момент исполнения им служебных обязанностей» — в преступлении, которое наказывается пожизненным заключением?

9 ИЮНЯ

Старые алжирские рабочие, целыми днями сидящие на скамейках на бульваре Бельвиль, африканцы, прохлаждающиеся в дверях хостела Сонакотра на рю Фонтэн-о-Руа, все они считаются «иммигрантами» — этим термином определяются их связи со страной, в которой они оказались, их связи с «нами». Однако до своего прибытия сюда они уехали из другого места, и следовательно, являются *изгнанниками*, но мы их так не называем — возможно, следуя неявному предположению, что страдание изгнанника — это благородное страдание, ведомое лишь душе, которая потенциально способна сублимироваться в творческой работе. Что касается проживающего во Франции алжирца, то ему достаточно статуса иммигранта — иными словами, статуса объекта, на которого может быть обращено внимание или опека полиции; для того чтобы стать субъектом, говорящим об изгнании, он должен писать книги или хотя бы сочинять песни.

С приближением выборов в законодательное собрание на плакатах наконец-то появляется приятное лицо: молодой Амар Беллаль, кандидат от коммунистов в XX аррондисмане. Хочется проголосовать, только чтобы сделать ему приятное. Еще хочется посочувствовать бедной мадам Бюффе, кандидату в президенты от ПКФ¹⁰, представив себе, что она должна ощущать, входя в здание партии на пляс дю Колонель Фабьен: им не хватило жалости вывесить на перилах хотя бы один транспарант.

¹⁰ Французская коммунистическая партия (PCF). — Прим. перев.

Как партия пришла к такому положению, когда все считают, что РС означает «персональный компьютер», а не «коммунистическая партия»? Часто утверждалось, что двумя этапами ее распада стали сперва маневры Миттерана в Союзе левых около 1980 г., а затем, десять лет спустя, крах казарменного коммунизма на Востоке. Несомненно, доля правды в этом есть, но такого объяснения недостаточно. Эти два удара лишь ускорили агонию могучего тела, которое болело уже давно.

Если не возвращаться в библейские времена — к советско-нацистскому пакту, к сдаче бойцами Сопротивления оружия после Освобождения — одним из главных этапов падения Компартии в пропасть, на мой взгляд, стала алжирская война: Республиканский фронт 1956 года, в котором коммунисты видели «римейк» Народного фронта; голосование о передаче особых гражданских и военных полномочий Ги Молле, позволившее ему отправить в Алжир подкрепления и ужесточить репрессии. Затем партия вовсе запретила своим членам непосредственно помогать алжирцам в их борьбе (что привело к серьезным трениям с Алжирской коммунистической партией, в число активистов которой входил Морис Оден¹¹). Она осудила отказ от выполнения приказов и дезертирство, ссылаясь на слова Ленина о том, что надо идти на любые войны, даже на империалистические. Когда некоторых членов партии арестовали за причастность к сетям снабжения ФЛН¹² (в частности, к сети Жансона; тот был секретарем Сартра), их не стали защищать, а наоборот, исключили из партии. ПКФ выступила против Манифеста 121-го, который ознаменовал собой ключевой поворот во французском общественном мнении. Погибшие на станции метро Шаронн, память которых чествуют сегодня, шли стройными и дисциплинированными рядами, когда у входа на станцию на них обрушилась полиция Папона.

Таким образом, именно алжирская война высветила жалкий легализм руководства ПКФ, который еще сильнее проявился в ходе голлистского переворота в 1958 г. Ночью 13 мая 1958 г. Политбюро ПКФ выступило с таким обращением к народу: «В Алжире произошел фашистский переворот. В самом Париже банды мятежников пытались действовать заодно с алжирскими заговорщиками, замышляющими свержение Республики. Политбюро призывает трудящихся незамедлительно продемонстрировать массовый отпор, необходимый для того, чтобы подавить эти мятежные тенденции в зародыше. Оно призывает их немедленно собраться на всех рабочих местах и *в самых разнообразных формах проявить* [курсив мой — Э. А.] свою волю к защите Республики. Фашизм не пройдет». Массовый отпор был продемонстрирован, но партия снова постаралась не высовываться. Последующие выборы (конституционный референдум в октябре 1958 г., ноябрьские выбо-

11 Морис Оден (1932-1957) — профессор математики Алжирского университета, воинствующий коммунист; захвачен во время Битвы за Алжир, по-видимому, был подвергнут пыткам и убит французскими военными.

12 Алжирский фронт национального освобождения (FLN). — *Прим. перев.*

ры в законодательное собрание) стали первой катастрофой: доля голосов, поданных за коммунистов, сократилась с 20 до 14 процентов.

Десять лет спустя, оказавшись на краю пропасти, партия сделала гигантский шаг вперед. В мае 1968 г. она испробовала все средства для того, чтобы подавить движение, которое не было ни организовано, ни предвидено ею и стало совершенно неуправляемым. Изгнанные со студенческих собраний коммунисты изо всех сил старались удержать под контролем забастовки на заводах и не позволить бунтующей рабочей молодежи объединиться со студентами.

В последующие тридцать лет партия превращалась во все более невидимый и неслышимый призрак. Ее плакаты сочинялись в жалостливом тоне, кульминацией которого стали последние предвыборные лозунги: «Живите лучше — это возможно» и «Вы имеете право на достойное жилье». Ей самая пора совсем исчезнуть, как поступила три месяца назад последняя аватара Итальянской коммунистической партии, угробив себя слиянием с христианскими демократами в социал-демократическую фракцию, этим завершающим «историческим компромиссом». Усыпив нынешний рудимент Французской компартии, мы подадим заявку на недвусмысленное возрождение самого славного имени в сфере политики — коммунизма.

13 ИЮНЯ

На обложке июньского номера «Трибюн Жюив» мы видим приятную, хотя несколько плотоядную улыбку Рашиды Дати под заголовком «В чем разница между евреями и мной?» Мне не совсем ясно, какие «евреи» имеются в виду, и те простые банальности, из которых состоит интервью, не дают ответа на этот вопрос. Предположим, что министр юстиции имеет в виду еврейское «сообщество» и его вождей, которые пишут в «Трибюн Жюив», которые выбирают делегатов в КРИФ и которые могут подписаться под словами Ивана Левея в передовице того же номера о том, что «Кушнер и Саркози смотрятся парой, к лучшему это или к худшему». В данном случае мадам Дати права: действительно, от евреев ее ничто не отделяет. Именно во Франции всегда находились евреи, готовые встать на сторону властей, даже во время войны, когда вишистское правительство преследовало главным образом евреев из числа иностранцев или недавно натурализовавшихся — «евреев без родины, явившихся в нашу страну в последние пятнадцать лет», как выразился адмирал Дарлан. Всеобщий союз французских евреев (UGIF) добивался того, чтобы французских евреев щадили — пока его собственных вождей не отправили в Освенцим.

На улице Бельвиль мемориальные доски напоминают нам имена других евреев, погибших в бою, расстрелянных или депортированных за участие в Сопротивлении. Эти евреи незадолго до того прибыли с Востока, особенно из Польши. Они были рабочими, нередко бывшими бундовцами. Они говорили на плохом французском, с сильным акцентом. Многие из них входили в состав МОИ, Организации рабочих-иммигрантов, которую возглавля-

ла (и презирала) Компартия. Встречались среди них и члены LICIA, Международной лиги против антисемитизма, основанной Бернардом Лазаром в дни дела Дрейфуса—ее наследница, LICRA (Международная лига против расизма и антисемитизма), выглядит не более чем жалкой карикатурой. Эти евреи мертвы, и я не отваживаюсь говорить от их имени. Но вполне можно предположить, что они вряд ли бы одобрили ползучую неопетеновщину, одним из ярких выкормышей которой является мадам Дати.

21 ИЮНЯ

Вчера вечером, в начале восьмого, в нижней части рю де Бельвиль шла проверка документов. Полиция явилась в кафе «Ле Сельтик» и задержала немало людей, включая молодую китайку, которая прожила во Франции восемь лет и через несколько дней должна была выйти замуж за француза. «То же происходило и в бакалее неподалеку от моего бара», — говорит хозяин «Ле Сельтик». На улице собралась толпа; полиция была вынуждена вызвать подкрепление и разгонять сборище гранатами со слезоточивым газом.

Как объяснить тот факт, что целью этих рейдов становится китайское население Бельвиль, которое прежде редко беспокоили? Тем, что перед полицией поставили четко обозначенную цель: 25 тысяч депортаций в 2007 году. А отыскать на Бельвиль китайских нелегалов — все равно что ловить рыбу в аквариуме. В конце 1943 г., после итальянской капитуляции, германская армия заняла бывшую итальянскую зону в оккупированной Франции — более-менее весь левый берег Роны, где находилось много евреев (в том числе и я с моей семьей), которые нашли там убежище после того, как годом раньше немцы вторглись в другую часть «свободной» зоны. Мы находились там, потому что итальянская армия не предпринимала никаких акций против французских евреев. Но при германской оккупации, в 1943–1944 гг., работа гестапо и французской полиции в городах Лазурного берега была несложной: достаточно было явиться в любой отель, и там наверняка нашлось бы несколько еврейских семей. Другой аквариум и другая рыба, но принцип отлова тот же самый.

30 ИЮНЯ

Йозеф Рот в книге «Марш Радецкого» описывает упадок и крах Австро-Венгерской империи на протяжении трех поколений. Марш Саркози наверняка закончится гораздо быстрее, но уже сейчас в нем можно распознать иной ритм, которым он весьма отличается от музыки Иоганна Штрауса, давшей название для книги Рота: это ритм двух шагов вперед (в исполнении подчиненных), за которыми следует шаг назад (президент вносит поправки). В Дарфуре будут созданы гуманитарных военные коридоры, в Чад отправляются два военно-транспортных самолета; будет установлен «социальный НДС» — но нет, это позже, и то, если он не повлияет на покупательную способность. В частный сектор будут проданы два самых престижных универси-

тета — нет, проданы будут все. Последние новости: Ксавьер Даркос, министр национального образования, объявляет о сокращении 10 тыс. рабочих мест осенью 2008 г. Можно поспорить, что шаг назад будет сделан незамедлительно, как только президент найдет наилучший способ дезавуировать слова своего министра.

1 ИЮЛЯ

Большая демонстрация нелегальных иммигрантов и сочувствующих. У станции метро «Бельвиль» колонна, спускающаяся от площади Фет, встречается с колонной, которая движется от Гамбетта. Китайцы, африканцы, анархисты, люди из «Образования без границ», просто приятели — шумная мешанина, многие женщины в бубу¹³, либо с лицами под хиджабами, либо по последней бельвильской моде, и множество детей. Во главе процессии движется грузовик с динамиками — под оглушительную африканскую музыку люди танцуют прямо на улице. Безопасность обеспечивают африканцы, которые давятся смехом. Песня гласит: «Беспаспортные на улице, а Саркози в своем кресле. В ящиках лежат досье. Хватит с нас, хватит!» Развернув свои транспаранты, маршируют местные школы. Несколько грустных старых активистов продают газеты организаций, о которых никто не слышал. Пара лент-триколов — одна на депутате-социалисте из XX аррондисмана, другая на неизвестном мне парламентарии, причем оба в рубашках без пиджаков: ленты странно смотрятся на фоне полосатых рубашек.

Это ни мятежная демонстрация, ни профсоюзная прогулка в шлепанцах; это акция какого-то нового, неизвестного мне вида, основанная на удовольствии всех тех, кто идет в колоннах под звуки этой веселой музыки — на удовольствии быть *вместе*. Порой мне приходилось высмеивать это слово, повторяемое до бесконечности как заклинание против изоляции, в которую мы погружены. Однако сегодня днем оно приобрело реальный смысл, наряду с тем нарушением общественного порядка — вещь немалая — которое можно назвать эмоцией.

2 ИЮЛЯ

Вчерашняя демонстрация упомянута в «Ле Монд» только в крохотной заметке, посвященной Брису Ортефе, который представляется «министром легальных иммигрантов»¹⁴. Ключевой принцип — «депортация. Но в реальности каждый случай рассматривается индивидуально». В «Либерасьон» какой-то писака говорит об «ответственных» за демонстрацию, не написав ни строчки и ни слова о том, что происходило на улице.

¹³ Африканская одежда. — Прим. перев.

¹⁴ Ортефе в мае 2007 г. был назначен министром иммиграции, интеграции, национальной идентичности и кооперативного развития.

Невозможно открыть газету или включить радио без того, чтобы не попасть на призывы переустроить, обновить, воссоздать «левых» (для легкости прочтения я не буду брать это слово в кавычки, когда речь идет о Социалистической партии; скажем так, что далее они просто подразумеваются). Во всех этих статьях и предложениях имеется нечто общее: каждая оглашает свои уроки, не объясняя, откуда они исходят, если не считать словечка «мы», из которого следует, что сам автор — не более чем сторонний наблюдатель. Предложения носят самый общий характер и сводятся к типичным маневрам партийного аппарата. Верной нотой звучит лишь выражение потребности в немедленных мерах, даже что-то вроде смятения.

Социал-демократия фактически мертва — этот великий организатор консенсусов, главный барьер на пути гражданской войны мертв по всему или почти по всему миру. В Германии — стране, где социал-демократия родилась — она была демонтирована при системе Шредера. В Италии, где в реальности она никогда и не существовала, после эпохи Берлускони от нее остались одни обломки. В Израиле Трудовая партия отныне не представляет собой ничего, кроме придатка, который служит подпоркой для ультраправых. В США Хиллари Клинтон выталкивает Демократическую партию на более реакционные позиции, чем те, что заняты умеренными республиканцами. Главная причина этого упадка во всех случаях одна и та же: «экономические трудности», уничтожившие левое обличье социал-демократии. А при политике правого толка избиратели всех стран логично предпочитают вождей правого крыла: Саркози, Меркель, а завтра — Нетаньяху и вернувшегося Берлускони.

Во Франции лидеры Социалистической партии встревожены своим удалением от центров, где раздаются должности и распределяются награды. Некоторые из них перебежали со всеми пожитками в другой лагерь. Другие убеждены в том, что их возвращение к власти требует преобразований, подобных тем, которые Блэр устроил в британской Лейбористской партии. Руаяль выражалась в том же смысле во время своей кампании, да и у Стросса-Кана на уме то же самое. Не хватает всего-навсего убедительной формулировки, решительного отказа от социалистических облачений, четко выраженного отречения. Вот что имеется в виду под обновлением/переустройством Социалистической партии.

Если стена социал-демократии рухнула, следует незамедлительно построить новую. Однако для строительства новой стены, за которой можно вернуться к консенсусу, требуется надежный идеологический цемент — по крайней мере, во Франции, где «прагматизм» недостаточно соблазнителен. Эту роль играют интеллектуалы из разных кругов — из Коллежде-Франс и «Нувель Обсерватёр», из «Эспри» и передовиц в «Ле Монд» и «Либерасьон». Помимо нескольких ренегатов, эти интеллектуалы не верят обещаниям правых сохранить существующий порядок. Они считают, что мода на Саркози быстро пройдет, и опасаются, что ей на смену придут всевозможные смуты. Поэтому они трудятся над составлением новой доктрины, которая бы отличалась от неолиберальной вульгаты, но продемонстрировала бы науч-

ным способом печальную неизбежность рыночной экономики, свободной конкуренции и неограниченного перемещения капиталов и мозгов.

Франсуа Фюре, для которого Французская революция лишь положила конец тому, что больше не существовало, создал фонд Сен-Симон, который впервые во Франции свел по американскому образцу политиков, академиков, видных деятелей СМИ и индустриалистов, чтобы разработать «проект модернизации». Генеральным секретарем фонда до его упразднения был Пьер Розанваллон, основавший в 2002 г. новую исследовательскую группу, «Республику идей», в которой стал президентом. Вице-президент — Оливье Монжен («Эспри»), а казначей — бывший босс «Лионского кредита» Жан Пейрелевад. «Республика идей» в мае 2006 г. организовала большой форум в Гренобле совместно с «Солидарите Актив» (организация, которую возглавляет Мартен Эрш, которого Саркози назначил своим верховным комиссаром по борьбе с бедностью). Цель этого форума состояла в том, чтобы «разработать *новую социальную критику* [курсив мой — Э. А.], которая бы разворачивалась одновременно в трех направлениях: анализ характерных тенденций современного капитализма, исследование изменений, которые претерпела демократия, и понимание происходящих сейчас культурных революций».

Для подобного клуба существенно, чтобы его «критическая» компонента была бы как можно более очевидной, поскольку смысл в том, чтобы найти интеллектуальные орудия для сколачивания левоцентристского блока, который имел бы какие-то внешние отличия от правых. «Республика идей» издает книги с шокирующими названиями: «Капитализм наследников», «Французское гетто», «Трудовой беспорядок», «Общественная нестабильность». Но несмотря на неизменные дифирамбы в адрес «Ле Монд», «Телерамы» и «Нувель Обсерватёр», содержащиеся на их страницах предложения позаимствованы у Раймона Арона, у самых убудочных последователей Пьера Бурдьё и из унылого экономизма в американском стиле. На пути у этих бойцов политической философии, этих интеллектуалов, стремящихся укрепить установленный порядок, всегда встает одна и та же проблема: как заставить людей поверить в то, что их цель — все изменить, в то время как на самом деле они как раз хотят, чтобы ничего не менялось.

5 ИЮЛЯ

Два пассажира с рейса Париж-Бамако, Мари-Франсуаза Дюрюп и Юссуф Сумуну, 2 июля предстали перед судом в Бобиньи, обвиняемые в том, что «28 апреля 2007 г. в Руасси они непосредственно спровоцировали г-на Дяките Иббраима и г-на Фофона Самба, которых депортировали из страны, на бунт, выразившийся в криках и обращениях к публике с целью оказания насильственного сопротивления лицам, наделенным общественными полномочиями — нарушение, подпадающее под статью 1.433-10, § 1 уголовного кодекса, согласно которой они и были наказаны» («Юманите», 3 июля).

Начальник полиции Мишель Годен поведал «Фигаро» (4 июля): «Столица должна срочно преодолеть свое отставание в смысле видеонаблюдения...

По последним сведениям, в городе насчитывается 30800 камер, установленных как в общественных, так и в частных местах, при том что в Лондоне их вдвое больше».

Ламин Дьенг, 25-летний молодой человек, арестованный 17 июня на Менильмонтане, умер в полицейском фургоне по дороге в участок. Согласно поспешно проведенной аутопсии, смерть наступила в результате сердечного приступа, вызванного передозировкой наркотика — хотя те, кто его знал, утверждают, что он не принимал наркотиков. Семья подала жалобу, создан комитет с целью выяснения истины. Несколько недель спустя книжный магазин «Ле Монтанлэр» на улице Панойо посетили полицейские, заставившие снять с окна плакат с объявлением о первом собрании этого комитета на том основании, что «такие вещи подрывают авторитет полиции».

8 ИЮЛЯ

«Пятеро интеллектуалов в Елисейском дворце», — гласит заголовок в «Ле Монд». Саркози пригласил на обед Элен Карьер д'Анкосс из Французской Академии, Андре Глюксманна, Макса Галло (также из Французской Академии), Клода Ланзмманна и Эрика Марти (хотя можно было подумать, что тому после дебатов у Тагиеффа стыдно в одиночку ходить по улице — надо полагать, он прибыл в багаже у Ланзмманна)¹⁵.

Два замечания по поводу этого приглашения. Первое связано со словом «интеллектуалы». Я знаком с историками, философами, биологами, социологами и поэтами; еще я знаю книготорговцев, водопроводчиков, пасечников, учителей, официанток и даже журналистов. Что же до термина «интеллектуал», то им в настоящее время принято называть тех людей (почти исключительно мужского пола), которые присвоили себе право публично выражать свое мнение по любой теме на свой вкус, особенно по вопросам политики. Выражение «медийный интеллектуал» превратилось в плеоназм: тот, у кого нет колонки в крупной ежедневной или еженедельной газете, кого не приглашают регулярно на «Франс Кюльтюр» и никогда не показывают по телевизору, не может считаться «интеллектуалом».

Второе связано с причиной этого обеда. Если бы Саркози просто пытался расстаться с обликом некультурного парвеню, ему бы стоило пригласить более молодых, более модных, в конце концов, более талантливых гостей. Думаю, что цель обеда — засвидетельствовать почтение группе французских неоконсерваторов, отобранных из числа тех, кто уже долгие годы разрабатывал современную ведущую идеологию. Воинствующий патриотизм (Галло), презрение к иммигрантам (Карьер д'Анкосс), экспорт демократии на штыках (Глюксманн), приравнивание критики Израиля к антисемитизму

¹⁵ Пьер-Андре Тагиефф — основной сторонник мнения о разгуле "нового антисемитизма", особенно заметного в левых кругах и среди критиков Израиля; на конференции, организованной Тагиеффом в конце мая 2007, Марти напал на Алена Бадью за "объективный антисемитизм". Многие из участников конференции в знак поддержки Бадью выступили с протестами.

(Ланзманн, Марти), ненависть к исламу (все вместе): вот каково мышление новых правых, приглашенных в Елисейский дворец.

9 ИЮЛЯ

В последние несколько дней большой шум поднят вокруг «открытости» к социалистам — иными словами, вокруг их ловли. В последнем улове оказался Стросс-Кан, которого Саркози проталкивает в директоры МФВ. После громкого заявления о том, что Ланг и Ведрен готовы участвовать в работе правительственных комиссий, этот маневр встревожил Социалистическую партию, которая выражает яростное негодование.

Однако подобное ренегатство неотъемлемо от самой истории Социалистической партии. 10 июля 1940 г., когда последние остатки французского Национального собрания встретились в Гран-Казино в Виши, чтобы проголосовать за предложение Лаваля передать всю полноту власти Петену, 36 депутатов-социалистов проголосовали «против», 6 воздержались и 90 проголосовали «за», тем самым провозгласив конец Третьей республики и установление авторитарного режима. Ряд социалистов зашел еще дальше, высказавшись за сотрудничество с нацистами: это были Поль Фор, бывший человек номер два в партии; Шарль Спинасс, министр экономики, а затем министр бюджета в правительстве Народного фронта, который выступал за сотрудничество «на основе равенства», во имя новой Европы и «свободной ассоциации социалистических государств»; Рене Белен, заместитель генерального секретаря ВКТ, которого Петен назначил министром труда; Жорж Альбертини, бывший генеральный секретарь Молодых социалистов, ставший вторым лицом в Народно-национальном объединении, профашистской партии Марселя Деа.

А вот пример из менее давнего прошлого, когда де Голль в 1958 г. взял власть: вспоминаю, как я участвовал в колоссальной демонстрации объединенных левых 28 мая — от площади Республики до площади Нации, с социалистами во главе, в знак решительного неприятия переворота народом. После этого, 1 июня, 42 из 91 депутата от социалистов проголосовали за де Голля, обеспечив ему большинство, а Ги Молле, первый секретарь Рабочего Интернационала, вошел в состав нового правительства в качестве государственного министра. Понятно, что лизоблюдство социалистов по случаю прихода Саркози к власти не идет ни в какое сравнение с этими драматическими событиями. Но стоит ли говорить, что для партии, вожди которой заинтересованы в первую очередь в том, чтобы попасть во власть, подобные пируэты кажутся абсолютно нормальными, когда эта цель представляется далекой, а ее достижение — проблематичным.

11 ИЮЛЯ

Камиль Ландэ, научный сотрудник из парижской Экономической школы, исследовал динамику доходов во Франции с 1998 по 2005 гг. («Ле Монд»). Для нижних 90 процентов семей (около 55 миллионов человек) повыше-

ние доходов составило «менее 5 процентов». С другой стороны, «у 1 процента наиболее богатых [около 600 тыс. человек] задекларированные доходы выросли на 19 процентов; у 0,1 процента наиболее богатых [60 тыс. человек] он вырос на 32 процента, а у 0,01 процента наиболее богатых — т. е. примерно у 6000 человек — почти на 43 процента».

3 АВГУСТА

По словам представителя Елисейского дворца, не существует никакой связи между усилиями Саркози по освобождению болгарских медсестер и тем, что ЕАДС¹⁶ продает оружие Ливии. Однако доверчивость общественности не безгранична, и Социалистическая партия вместе с большинством газет требует, чтобы правительство предоставило доказательства прозрачности в этом бизнесе.

Появление слова «прозрачность» в политическом и медийном словаре восходит к середине 1980-х гг., к эпохе горбачевской «гласности». Нынешнее широкое использование этого термина выявляет довольно запутанные взаимоотношения между политикой и истиной во Франции. То, что вы видите через такую прозрачную среду, как чистое окно, может оказаться обманкой, маскарадом. Прозрачная личность — не обязательно хорошая личность; он может быть полным негодяем; следует только соблюдать должные процедуры.

Поэтому нет особого смысла в требованиях прозрачности, в назначениях следственных комитетов, посредников, наблюдателей, всевозможных лиц с широкими полномочиями; нам нужна не прозрачность, а истина. Но это противоречит одному из ключевых постулатов постмодернистского мышления, которым руководствуются защитники «прагматизма», вдохновляясь им в своих речах, где в каждом втором предложении встречается слово «конкретно». Согласно этому постулату, истина — относительное понятие, зависящее от интерпретаций, выбор между которыми невозможен, ибо каждая из них представляет собой отраженное подобие всех прочих. Наивный человек, ищущий истину, похож на персонажа Орсона Уэллса, попавшего в зеркальный лабиринт в финальной сцене «Леди из Шанхая» и стреляющего из пистолета в людей, находящихся совсем в другом месте.

То, что называется во Франции «общественным мнением», по видимости, довольствуется тем, что одни люди требуют прозрачности, а другие обещают ее, давным-давно распрощавшись с истиной в вопросах политики. Свободное обращение с истиной вполне соответствует всевозможным перестановкам в рядах наших правителей. «Прозрачность» — просто название одной из таких перестановок, возможно, самой хитроумной из всех них.

Перевод с английского Николая Эдельмана

16 Европейский аэрокосмический и оборонный концерн (EADS). — Прим. перев.